

УДК 903.14

Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

«КАМНИ ЖИЗНИ» ИЗ НОИН-УЛИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ (по материалам раскопок в 2006–2012 годах)*

Во время раскопок хуннских погребений в горах Ноин-Ула в Северной Монголии (2006–2012 гг.) российско-монгольская экспедиция обнаружила большое количество нефритовых изделий и заготовок. В статье дана классификация и культурно-историческая интерпретация этих находок. Скорее всего, нефрит попадал к шаньюям в виде подарков (дани) от ханьского императорского двора. Хунну вслед за китайцами верили в магическую и «жизненную» силу нефрита и поэтому помещали его в погребения. Количество и качество этого камня в захоронениях указывали на высокий статус их владельца. Нефритовые изделия были частью нашейных украшений знатных хунну, в некоторых случаях – амулетами. Находки из Баллодовского кургана позволяют предположить, что они представляют собой остатки нефритовых одеяний – «панцирей».

Ключевые слова: нефрит, хунну, эпоха Хань, ноин-улинские погребения.

E.S. Bogdanov

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
 E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

“LIFE STONES” FROM THE NOYON UUL BURIALS (Based on Findings of the 2006–2012 Field Seasons)

Excavations of Xiongnu elite burials, conducted in 2006–2012 by the Russian-Mongolian expedition in the Noyon Uul Mountains, Northern Mongolia, revealed numerous jade artifacts. Their classification is provided and their possible cultural meaning is discussed. The Chanyu apparently received them from the Han imperial court by way of gift or tribute. Like Chinese, Xiongnu believed in magic and vital force of jade, and this may account for its abundance in burials. The amount and quality of jade indicated the owner's high social status. Jade artifacts were parts of neck adornments worn by members of the Xiongnu elite, and they might have functioned as amulets. Finds from “Ballod's mound” suggest that they may have been parts of jade garments, known as “armors”.

Keywords: Jade, Xiongnu, Han epoch, Mongolia, Noyon Uul burials.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.091-099

Китайцы называли нефрит «камнем жизни» (Неба и Земли, Мудрости и Вечности), приносящим благополучие. Считалось, что он способен излечивать самые тяжелые недуги у человека и дарует бессмертие [Духовная культура..., 2010, с. 224]. В настоя-

щее время общепринятой для собственно нефрита считается дефиниция *юй**. Хотя иероглифом *юй* (玉) китайцы изначально обозначали любые минералы, которые соответствовали, с их точки зрения, эсте-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

*Автор выражает благодарность А.Н. Чистяковой за ценные замечания и помощь при работе с китайскими источниками и публикациями.

тическим критериям, например, змеевик, яшма или жадеит [Кравцова, 2004, с. 764–765]. В эпоху Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) в толковом словаре «Толкование письмен» (說文解字 *Шовэнь цзецзы цзиньши*) нефрит описывался как самый красивый камень, которому присущи высокая плотность, прозрачность, маслянистость, блеск, богатство оттенков, внутренний узор, упругость, звучность [Шовэнь цзецзы цзиньши..., 1997, с. 28–29].

Поделки из нефрита, известного своей красотой и чудодейственной силой, наряду с лаковой посудой, колесницами и роскошной шелковой одеждой стали маркерами высокого статуса кочевых вождей в хуннскую эпоху. Особое значение имели количество и качество нефрита. Сохранились письменные свидетельства о том, что нефрит попадал к шаньюям в виде подарков (дани) [Бичурин, 1950, с. 136]. Поэтому совсем не удивительно, что во время раскопок практически во всех курганах хуннской знати находят нефритовые изделия.

Особенно много артефактов из нефрита обнаружено в ноин-улинских курганах, исследованных экспедицией П.К. Козлова в 1920-е гг.: в Мокром кургане (№ 1) – 28 пластинок, в т.ч. целые изделия различной формы и простые заготовки [Руденко, 1962, табл. XX, 1, 3, 4; XXIX; The National Museum..., 2009, р. 47], в Шестом (Верхнем) кургане – 12 пластинок [Руденко, 1962, с. 118–120], в грабительском шурфе Кондратьевского кургана – 4 заготовки и 2 обломка изделий [Там же, с. 124], в кург. № 24 – украшение с изображением драконов и несколько обломанных пластинок [Теплоухов, 1925, с. 18]. Сохранилось 31 нефритовое изделие (в это число входит 17 пластин с просверленными отверстиями по углам) из раскопок Баллодовского кургана [Ivanov, 2011, fig. 2: 1–6; Сутягина, Иванов, 2012, с. 442, рис. 1]. А.Д. Симуковым при раскопках кург. № 1 в пади Цзурумтэ (Ноин-Ула) в грабительском шурфе обнаружен обломок нефритовой пластины зеленоватого цвета [Симуков, 2008, с. 43].

Во время работ российско-монгольской экспедиции в 2006–2012 гг. в пади Суцзуктэ было найдено немало артефактов из нефрита: в кург. № 20 – 9 заготовок и целое изделие (рис. 1; 2, 1), кург. № 22 – заготовка и 4 изделия (рис. 2, 3, 4; 3, 5; 4, 5, 6), кург. № 11 – 1 изделие (рис. 3, 7). В грабительской шахте кург. № 31 (на различной глубине) обнаружены 13 изделий и заготовок (см. рис. 2, 2; 3, 1–4, 6; 4, 1–4; 5, 1, 2). Согласно заключению старшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН, канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик, практически все каменные изделия из раскопок российско-монгольской экспедиции выполнены из нефрита*. По цвету ноин-улинские

нефриты очень разнообразны – молочно-белые, зеленые всех оттенков, желтоватые с красноватым оттенком. Окраска зависит от содержания в минерале железа и примесей хрома, марганца, никеля. Например, наименьший процент железа – в светло-зеленом нефрите, в белом его почти нет; примесь хрома дает ярко-зеленый, практически изумрудный цвет [Петров, 1985, с. 126]. Интересно, что в каждом отдельном хуннском кургане встречается нефрит только одного цвета.

Заготовки представляют собой пиленые (местами обломанные) пластины нефрита толщиной 5–6 мм. На некоторых из них сохранилась природная корка минерала и следы «шага» распилки.

Все изделия шлифованные, толщиной 3–5 мм. В пластинах имеются тонкие отверстия. Они «высверлены» иглой с прикрепленным осколком алмаза или сапфира. Сама игла крепилась к стержню, который быстро вращался при помощи веревки [Ферсман, 1954, с. 258].

Условно всю коллекцию нефритовых изделий из Ноин-Улы можно разделить на четыре группы:

1-я – дуговидные пластинки (*хуан 璜*). Длина изделий не превышает 15 см. Представлены в двух вариантах: а) с заостренным и закругленным концами. Отверстие сделано только в широкой части; б) с обоими закругленными концами, с двумя отверстиями по краям;

2-я – пластинки квадратной или прямоугольной формы (*пай 牌*). Отверстия либо по углам, либо в центре с каждой стороны. Наибольшая длина пластин 22,5 см, ширина не превышает 7 см;

3-я – пластинки с прорезным ажурным орнаментом. Одиночные отверстия по краям;

4-я – диски *би* (璧) или *юань* (瑗).

В настоящее время трудно ответить на вопрос, как именно хунну использовали пластины из нефрита, было это связано только с погребальным ритуалом или же являлось неотъемлемой частью повседневной жизни, как и у ханьцев? С учетом того, что большая часть нефритовых изделий в курганах знатных хунну найдена в грабительских шурфах или около них, можно предположить, что нефритовые предметы были элементами костюма: их грабители за ненадобностью бросали обратно в могилу. Ю.И. Елихина вслед за С.И. Руденко пишет, что традициюшивать на одеяние знатного умершего нефритовые пластины сюнну переняли у китай-

Батора, не имеют минералогических определений, поэтому вслед за П.К. Козловым археологи называют эти находки «нефритами», хотя в некоторых случаях неспециалист может легко спутать нефрит с жадеитом, зеленым мрамором или амазонитом, которые в ханьское время также широко использовались в качестве поделочных камней.

*Каменные предметы из коллекций, хранящихся в Государственном Эрмитаже и Национальном музее г. Улан-

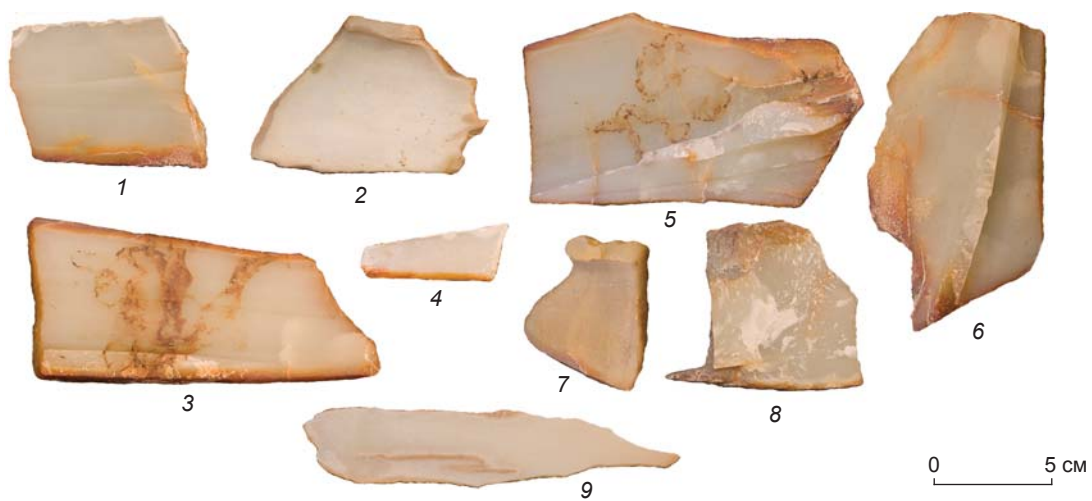

Рис. 1. Нефритовые заготовки из кург. № 20 в пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.

Рис. 2. Нефритовые дуговидные пластины из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1 – кург. № 20; 2 – кург. № 31; 3, 4 – кург. № 22.

Рис. 3. Нефритовые заготовки из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1-4, 6 – кург. № 31; 5 – кург. № 22; 7 – кург. № 11.

Рис. 4. Нефритовые изделия из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1-4 – кург. № 31; 5, 6 – кург. № 22.

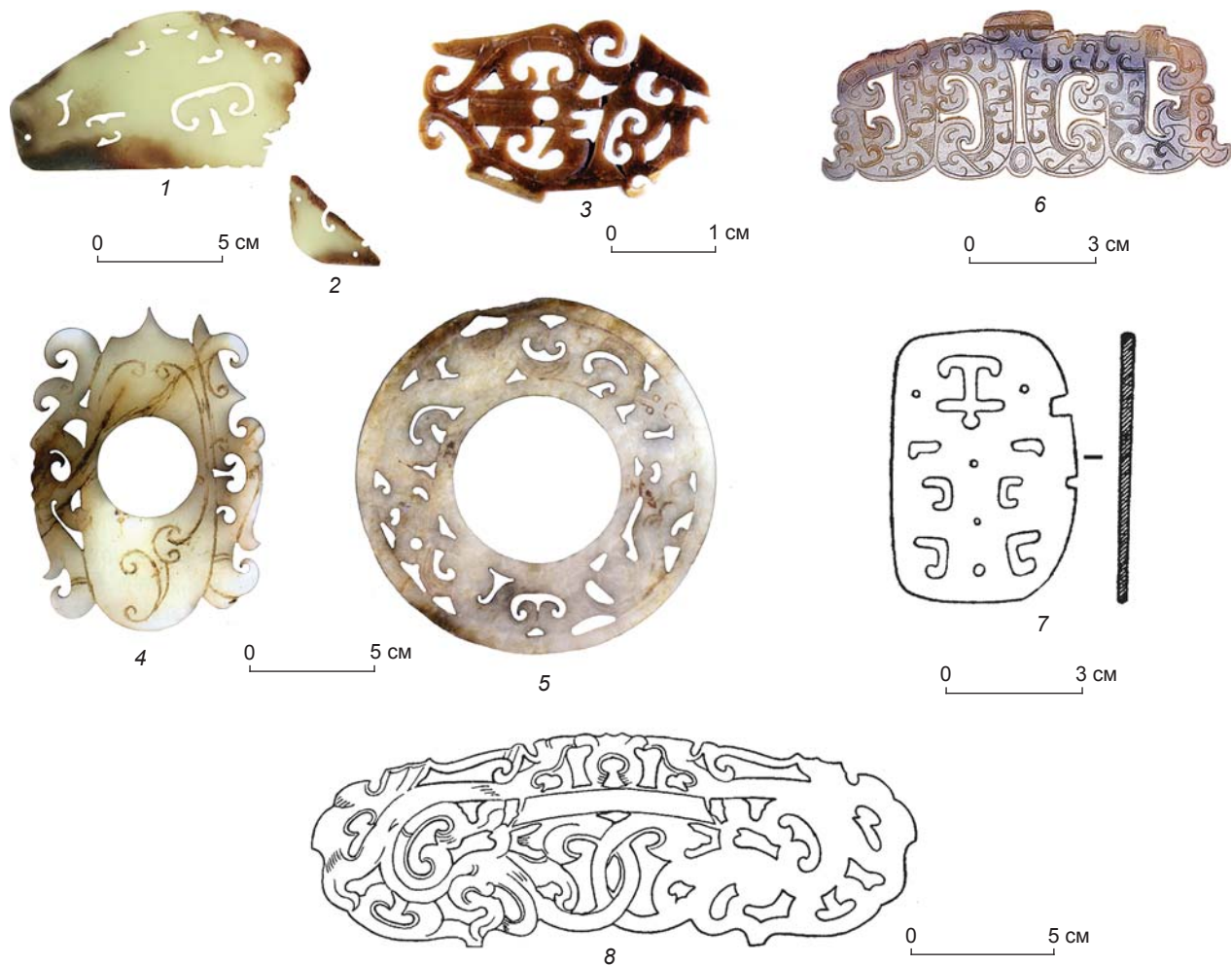

Рис. 5. Нефритовые пластины с прорезным ажурным орнаментом.
1, 2 – кург. № 31 в Ноин-Уле; 3 – мог. № 2 могильника Дуурлиг-Нарс (Монголия) [Xiongnu tombs..., 2009, p. 62]; 4, 5 – ханьское погребение в пров. Цзянсу [Ханьское погребение..., 2007, рис. 30, 34]; 6 – погребение хоу царства Цэн в уезде Суй пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй, фото автора); 7 – чуское захоронение № 3 на памятнике Яоцзяган в пров. Хубэй [Краткий отчет..., 1988, рис. 12, 1, с. 167]; 8 – кург. № 24 в Ноин-Уле [Руденко, 1962, табл. XLVI, 1].

цев [2012, с. 140]. «Пластины дугообразной формы, возможно, нашивались в верхней части одежды – на груди, под шеей» [Руденко, 1962, с. 49]. С.И. Миняев интерпретировал изделия с заостренным концом из кург. № 7 могильника Царам в Забайкалье как «фрагменты диадемы из белого нефрита», а пластину подпрямоугольной формы – как часть «парадного панциря» [2009, с. 58]. К сожалению, никаких аргументов в пользу этих заключений исследователь не привел. Впервые предположение (еще в 1913 г.) о том, что подобные нефритовые пластинки составляли «панцирь» погребенного, выдвинул А. Баллод, первый исследователь ноин-улинских захоронений, геолог по образованию (опись находок см.: [Ходукин, 1926, с. 11]). Многочисленность однотипных пластин, найденных в Баллодовском кургане, заставляет вспомнить «нефритовые одеяния», известные по китайским археологическим источникам, например, из материалов раскопок погребений царевича Лю Шэн и его жены Доу Вань из Маньчэна или Лю Фэя – правителя царства Цзянду* [Wu Hung, 1997; Могила № 1..., 2013, с. 46–49]. Все нефритовые пластинки, чтобы сформировать такой «панцирь», скреплялись между собой золотой проволокой, протянутой через отверстия. Данная традиция их использования в Китае, бесспорно, является продолжением традиции создания нефритовых «масок» (моделирование головы погребенных) (см. подборку китайских публикаций по этому вопросу в статье Н.А. Сутягиной и Г.Л. Иванова [2012, с. 444]). Но нельзя утверждать, что во всех могилах хуннской знати находятся остатки нефритового «панциря» или «маски». Во-первых, обнаруженные в неразграбленных китайских комплексах простые дугообразные пластины с закругленными концами (или с одним заостренным концом) чаще всего являются частью церемониальных (статусных) нашейных или головных украшений. Во-вторых, в большинстве хуннских погребений нефритовые пластины представлены единичными образцами. Это можно было бы объяснить тем, что комплексы подверглись разграблению. Однако очень важно обратить внимание на следы зашлифованности (заношенности), сработанности на некоторых изделиях. Отдельные артефакты имеют полукруглую форму и лишь одно отверстие для подвешивания. Например, находки из кург. № 7 в пади Царам [Миняев, 2009, рис. 18], мог. № 2 на памятнике Дуурлиг-Нарс [Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong, 2011, fig 9, 2], Мокрого кургана [Umehara Sueji, 1960, pl. LXVI, 2], кург. № 31

в Ноин-Уле (см. рис. 4, 3, 4) и др. Возможно, перечисленные предметы были подвесками-амулетами (украшениями), а не деталями «нефритового панциря». Рядовые хунну (вслед за знатью) верили в чудодейственную силу нефрита, но за неимением этого «драгоценного» камня изготавливали амулеты и подвески в форме традиционных китайских украшений из подручных материалов. В качестве примеров могут служить когтевидные халцедоновые подвески из мог. № 133 Иволгинского могильника и мог. № 49 Дырестуйского могильника, каменная дугообразная пластинка из ямы 9 Иволгинского городища, сланцевые и каменные кольца *би* из погр. № 40, 114, 119 Дырестуйского могильника [Кочевники Евразии..., 2012, кат. 291, 299; Миняев, 1998, табл. 14; 33, 1–3; 98, 9, 10; 106, 11, 12].

Особенно ценными в ханьское время считались нефритовые изделия с прорезным ажурным орнаментом. Два обломка таких пластин были обнаружены в кург. № 31 в Ноин-Уле (см. рис. 5, 1, 2). Такие же прорезные грибовидные и волнитообразные отверстия имелись на нефритовом украшении из мог. № 2 могильника Дуурлиг-Нарса (см. рис. 5, 3). Подобным образом оформлены диск *би* и подвески, обнаруженные в ханьской могиле № 1 у насыпи Чэньдун в пров. Цзянсу и в погребении хоу царства Цзэн в пров. Хубэй (см. рис. 5, 4–6). Аналогичное по форме и орнаменту изделие, но более простое по исполнению находилось в чуском захоронении № 3 на территории пров. Хубэй (см. рис. 5, 7). Все эти пластины, в т.ч. диск *би*, могли быть частью церемониальных (статусных) украшений, подобных тем, которые сохранились в могиле маркиза И, правителя княжества Цзэн (пров. Хубэй, V в. до н.э.) (http://www.hnmuseum.com/hnmuseum/learning/Lesson003/chapter2_2.html), и в других погребениях, но более позднего времени (рис. 6). К сожалению, в своих публикациях китайские исследователи не касаются символики прорезных знаков. Скорее всего, это стилизованный «облачный» орнамент. Наибольшую популярность в ханьское время имели «шелкопрядный» узор (*чунь-вэнь* 蠶紋) или «в виде ущелий» (*гу-вэнь* 谷紋) и «каплевидный» (*дяньди-вэнь* 點滴紋) или «плетеный» (*пу-вэнь* 蒲紋). Первый образован рельефными завитками и, как принято считать, появился под влиянием резьбы по дереву в декоративно-прикладном искусстве южных регионов Древнего Китая, в царстве Чу (XI–III в. до н.э.). «Каплевидный» узор, состоящий из кружков, восходит, скорее всего, к работам по металлу; он копирует литой зерновидный орнамент, характерный для декора древних бронзовых сосудов [Духовная культура..., 2010, с. 227–228]. Отметим, что известен огромный массив китайских нефритов (в основном дисков *би*), которые украшены грибовидными и волнитообраз-

*Западно-ханьское погребение сына императора Цзинди найдено в местности Маньчэн в 100 км от Пекина. Царство Цзянду располагалось на территории современной пров. Цзянсу и существовало с 206 г. до н.э. до 25 г. н.э.

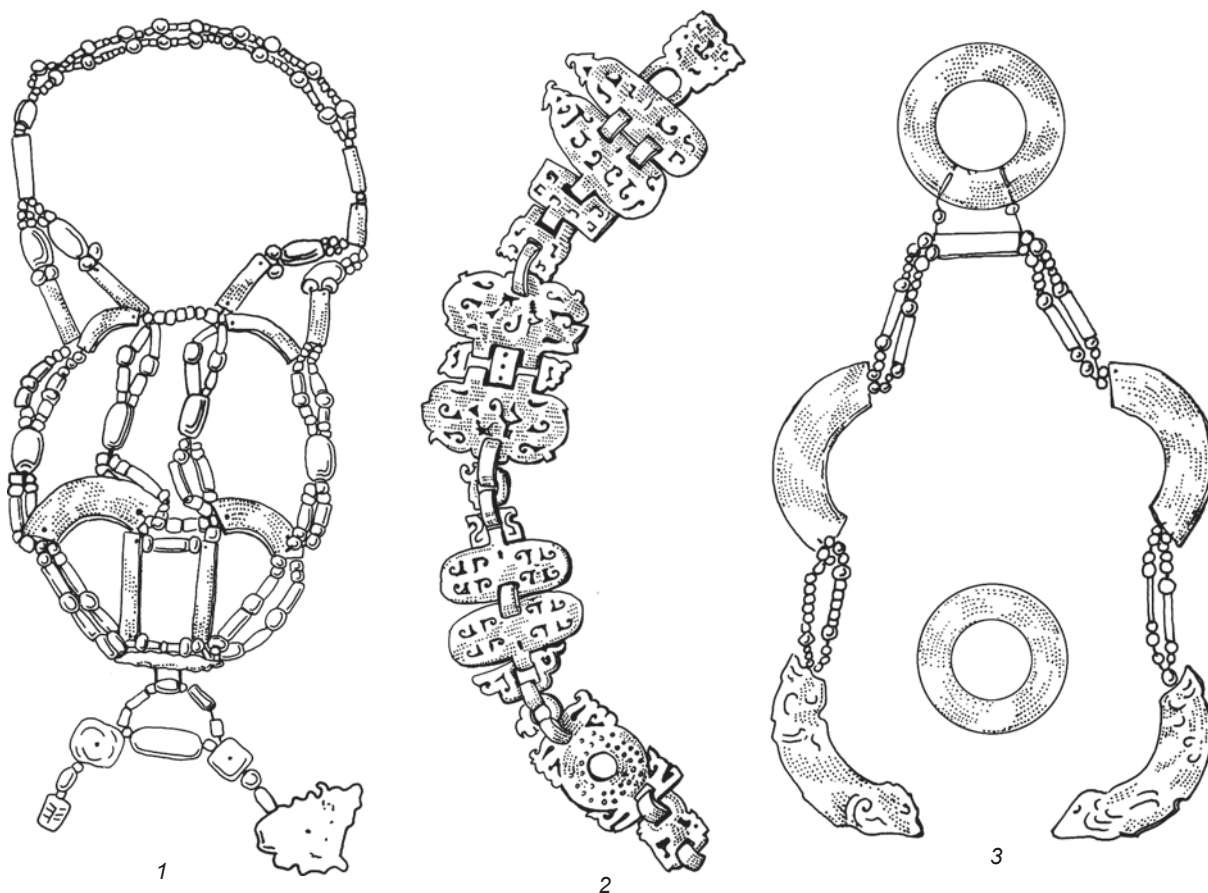

Рис. 6. Церемониальные (статусные) украшения из погребальных памятников Китая.
 1 – могильник Цянцзя, уезд Фуфэн, пров. Шэньси [Лю Юньхуй, 2008, рис. 23, 24]; 2 – могила маркиза И, пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй); 3 – ханьское погребение в пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй).

ными узорами, но выполненных не в виде отверстий (см., напр.: http://www.hnmuseum.com/hnmuseum/learning/Lesson003/chapter2_1_1.html).

Другой (более высокий) уровень исполнения демонстрирует нефритовая ажурная пластина с противопоставленными прорезными изображениями двух драконов из кург. № 24 в Ноин-Уле, на которой имеется «облачный» орнамент (см. рис. 5, 8). Важно подчеркнуть, что образы драконов показаны в духе китайских изобразительных традиций, и видеть в них проявление скифо-сибирского звериного стиля, как считают возможным некоторые исследователи [Боровка, 1925, с. 35–37], на наш взгляд, нет оснований.

Нефритовые пластины с прорезным орнаментом и диски *би*, вероятно, служили своеобразными «верительными грамотами» владельца, а их форма и размеры соответствовали его статусу (рангу). Известно, что в Китае в VI в. до н.э. император носил костюм, украшенный пластинами нефрита определенного цвета и формы. «В торжественных церемониях император и его ближайшие сановники

держали перед ртом пластинки из нефрита, чтобы “заградить свое дыхание”. Пластика императора носила название “тин” и была прямоугольная, олицетворяя “прямоту, с которой он управляет страной”. Пластины сановников были заострены или закруглены сверху в знак подчиненности. Придворные дамы носили застёжки и булавки из нефрита, точно обозначавшие их придворный чин» [Ферман, 1954, с. 254]. Составные украшения из нефрита начиная с эпохи Хань считались символом государственной власти, их запрещалось носить простым людям [Чжоу Наньцюань, 2011, с. 31]. Но подобные предметы были обнаружены, например, в гробнице Вана из Южных Юэ; видимо, умерший приравнял себя к императору Западной Хань [Там же]. Можно предположить, что высокомерные и амбициозные хуннские шаньюи, желая подчеркнуть свой высокий статус, дополняли свой костюм составными украшениями.

Цвет нефрита, из которого изготавливались императорские регалии и ритуальные предметы, должен был соответствовать космологической цветовой

символике того или иного времени года. Согласно разделу «Ван Чжи» древнего ритуально-этикетного уложения эпохи Чжоу, «весной государь должен был носить украшения и использовать предметы из зеленого нефрита, летом – из нефрита красного цвета» и т.д. [Духовная культура..., 2010, с. 225]. Типология нефритов основана на универсальной для культуры Китая хроматической гамме – «пять цветов» (五色). Нефриты подразделялись на белые с желтоватым оттенком (бай юй 白玉), сравнимые в оригинальных источниках по цвету с бараньим салом, желтые с коричневым отливом (хуан юй 黄玉) – «цвета вареных каштанов», красные (хун юй 红玉) – «цвета петушиного гребня», черные (хэй юй 黑玉) – «подобные лаковому покрытию» и зеленые (цин юй 青玉) [Там же]. Желтый цвет был символом верховной власти и государя, а белый цвет – траура и похоронных принадлежностей [Кравцова, 1999, с. 110]. Различная цветовая гамма нефритов из ноин-улинских захоронений свидетельствует о том, что хунну волновали больше эстетические и магические особенности этого камня, чем космологическая цветовая символика.

Возвращаясь к прорезному орнаменту на нефритовых пластинах, отметим, что уже в ханьское время по причине высокой механической прочности нефрита гравировка и резьба (ажурная) по нему производились металлическими инструментами. Использование таких инструментов позволяло наносить на поверхности камня сплошные узоры, состоящие из мелких деталей. Питер Лу из Гарвардского университета, изучавший нефритовые кольца с прорезным орнаментом эпохи Чжоу (771–475 гг. до н.э.), отмечал: «Углубления создавались с большой точностью, последовательно, они сделаны не вручную, а с помощью продвинутой технологии (механизмом)» [Lu, 2004, p. 1640]. С его точки зрения, этот «механизм» выглядел как проигрыватель пластинок, его игла «вырезала» линии на заготовке. Чтобы проверить свою догадку, исследователь собрал аналогичный аппарат, который мог вырезать спиральные линии, как на древних образцах [Ibid.]. По нашему мнению, простейшие орнаменты на нефрите в ханьское время вырезали и выпиливали, скорее всего, вручную инструментом типа лобзика с подсыпкой абразива (мокрого песка). С его помощью изделиям придавали определенную форму. Например, диски би делали в два приема: сначала в пластине с двух сторон высверливали центральные конические отверстия, а затем резцом, закрепленным в центре, из пластины-заготовки вырезали кольцо. Данные операции не сложны и не требуют особых навыков. Вполне возможно, что многие нефритовые изделия из числа найденных в хуннских курганах были сделаны не на территории Китая, а в ставках шаньюев, где работало много

иноземных мастеров. Это предположение позволяет объяснить высокую долю простых заготовок, пиленных кусков нефрита, например, в ноин-улинских погребениях: простые украшения, вероятно, делали неподалеку.

Одной из сложных и важных задач является определение места добычи нефрита. Пока не ясно, хунну добывали его сами или же получали только в виде дани и подарков из Китая. Центры окраски и люминесценции, магнитные и электрические свойства, вариации кристаллической структуры, типоморфизм (изменчивость физических свойств в зависимости от условий их образования) у минералов из разных месторождений свой, особый [Здорик, Фельдман, 1998, с. 41]. В Китае известно пять самых крупных месторождений этого камня.

Нефрит с преобладанием белого или светло-зеленого цвета добывали в уезде Сюань (岫岩) пров. Ляонин. Он, как правило, полупрозрачный, редко – прозрачный. Нефрит желтого оттенка с вкраплениями зеленого, иногда содержащий как бы облачный рисунок, добывали в уезде Ланьтянь (蓝田县), к северу от г. Сианя в пров. Шаньси. Больше всего нефрита (и сегодня), который иногда называют «душань» (独山), привозили с территории окр. Наньян пров. Хэнань. Этот полупрозрачный нефрит имеет чаще всего желтоватый или белый оттенок с розоватыми, зелеными, желтыми вкраплениями и содержит много различных примесей. Он весьма неоднороден по составу. Самое известное местонахождение находится в окр. Хотан (和田) в Синьцзяне. Здесь добывали самые ценные для китайцев сорта: белого цвета или «цвета бараньего сала» с густым восковым матовым блеском. Возможно, именно Хотанское месторождение красочно описано в «Каталоге гор и морей» (III–I вв. до н.э.): «Там много белого нефрита, имеется [ключ] нефритового нектара. У истока он кипит и клокочет. Желтый Предок насыщается [им] по утрам и в полдень. [Там] рождается священный нефрит. Нефритовый ключ вытекает, чтобы оросить Древо Бессмертия. Древо Бессмертия расцветает один раз в пять лет пятью цветами. Когда появляется пять вкусов, то делается ароматным. Желтый Предок собирает нефритовые цветы на горе Ми и сажает их на южном склоне Горы Колокол. Нефрит хуайюй самый прекрасный. || Он твердый и крепкий, блестящий и гладкий, как отполированный. Он играет всеми цветами, сочетает в себе хрупкость и твердость. Боги и духи небес и земли вкушают его по утрам и в полдень. Государи едят его, чтобы предотвратить несчастья» [Каталог гор..., 1977, с. 41]. В эпоху Чжоу хотанским нефритом мог пользоваться только император.

В Китае нефрит добывали в огромных объемах с эпохи неолита, поэтому уже к рубежу эр его место-

рождения истощились, наметился переход китайского камнерезного дела на импортное сырье [Комиссаров, 1999, с. 7; Духовная культура..., 2010, с. 227]. Как утверждает М.Е. Кравцова, правда, без ссылки на естественно-научные исследования, «большинство известных чжоуских и ханьских нефритовых изделий выполнены из привозных материалов... Яркенда и Хотана» [2004, с. 768]. Добывать нефрит, который затем завозили в ханьский Китай, хунну могли не только в Синьцзяне. С древности известны крупные месторождения нефрита в Забайкалье и Восточных Саянах. В Хамархудинском и Хохюртовском (Джидинская группа) месторождениях встречаются зеленые нефриты различных оттенков и черные. В Буромском и Голубинском (Витимская группа) месторождениях добывают зеленые, серые, снежно-белые (различных оттенков) нефриты. В Улан-Ходинских и Оспинских разработках встречается только однородно ярко-зеленые и пятнистые нефриты [Декоративные разновидности..., 1989, с. 50–65, табл. 8]. Точно определить, где был добыт ноин-улинский нефрит можно только после проведения химического анализа. Эти данные позволят пролить свет на историю камнерезного дела и торговые связи различных групп населения в Центральной Азии в хуннскую эпоху. Публикации на эту тему появились лишь недавно. Как отмечается в одной из них, специалистам удалось определить материал, источник сырья и технологию изготовления нефритовых изделий из нескольких погребальных комплексов эпохи Чжоу [Douglas, Chang, 2008].

Таким образом, в могилах знатных хунну нефритовые изделия были частью украшений, амулетами, и только находки из Баллодовского кургана можно интерпретировать как остатки нефритовых одеяний – «панцирей». Поделки из этого камня являлись одним из показателей высокого статуса кочевых вождей эпохи Хань. Для рядовых кочевников амулеты и подвески, по форме аналогичные традиционным китайским украшениям, изготавливали из подручных материалов.

Список литературы

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 379 с.

Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 22–40.

Декоративные разновидности цветного камня СССР / под ред. Е.Я. Киевленко. – М.: Недра, 1989. – 271 с.

Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 6: Искусство. – 1031 с.

Елихина Ю.И. Коллекция находок из Ноин-Улы // Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – С. 132–143.

Здорик Т.Б., Фельдман Л.Г. Минералы и горные породы (Ювелирные камни и драгоценные металлы): Энциклопедия природы России. – Т. 1. – М.: АБФ, 1998. – 752 с.

Каталог гор и морей (шань хай цзин) / предисл., перевод и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1999. – С. 7–10.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – 271 с.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.

Кравцова М.Е. История искусства Китая. – СПб. и др.: Лань, 2004. – 960 с.

Краткий отчет о раскопках чуского погребения в деревне Яоцзяган уезда Чжицзян провинции Хубэй // Каогу. – 1988. – № 2. – С. 157–168 (на кит. яз.).

Лю Юньхуй. Древние нефритовые изделия из Шэньси // Сычуань Вэньу. – 2008. – № 5. – С. 53–68 (на кит. яз.).

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1998. – 233 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 3).

Миняев С.С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Могила № 1 мавзолея правителя княжества Цзянду // Каогу. – 2013. – № 10. – С. 3–68 (на кит. яз.).

Петров В.П. Рассказы о драгоценных камнях. – М.: Наука, 1985. – 175 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Симуков А.Д. Отчет по раскопке двух курганов Суцзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии. – Осака: Гос. музей этнологии, 2008. – С. 40–45. – (Senri Ethnological Reports; т. 3. (iss. 1), № 74).

Сутягина Н.А., Иванов Г.Л. Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Древние культуры Монголии и Байкальской степи: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Улан-Батор, 2012. – Т. 2. – С. 441–447.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 371 с.

Ханьское погребение у насыпи Чэньдун в уезде Сяян провинции Цзянсу // Вэньу. – 2007. – № 7. – С. 39–60 (на кит. яз.).

Ходукин Я.Н. Первые раскопки в горах Ноин-Ула // Бюл. Всесоюз. науч. ассоциации востоковедов. – Иркутск: Власть труда, 1926. – С. 3–16.

Чжоу Наньцюань Нефритовые изделия из погребения Юэ Мэй-вана Южных Юэ периода Западная Хань // China academic J. electronic publishing House. – 2011. – С. 28–33 (на кит. яз.).

Шовэнь цзецзы цзиньши (Толкование письмен с комментариями). – Пекин; Юэлу хуашэ, 1997. – Т. 1. – 1198 с. (на кит. яз.)

Ivanov G.L. The early history of the study of the mounded tombs at the Noyon uul necropolis – the collection Andrei Ballod at the Irkutsk Museum of regional studies // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – P. 285–289. – (Bonn contributions to Asian archaeology; vol. 5).

Douglas J.G., Chang Yang Jun. Materials and technology of Chinese jades dating to the Western Zhou period (1050–771 BCE) // Science in China Ser. E: Technological Sciences. – 2008. – Vol. 51, N 4. – P. 467–480.

Lu P.J. Early Precision Compound Machine from Ancient China // Science. – 2004. – Vol. 304. – P. 1638–1646.

The National Museum of Mongolia. Catalog. – Seoul: North East Asian History Foundation, 2009. – 217 p.

Umehara Sueji. Studies of Noin-Ula finds in north Mongolia. – Tokyo: [s.n.], 1960. – 301 p. (на яп. яз.). – (The Toyo Bunko publications. Ser. A; N 27).

Wu Hung. The Prince of Jade Revisited: Material Symbolism of Jade as Observed in the Mencheng Tombs // Chinese Jades. Colloquies on Art and Archaeology in Asia / ed. Rosemary E. Scott. – 1997. – N 18. – P. 147–170.

Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong. Excavation of xiongnu tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – P. 261–274. – (Bonn contributions to Asian archaeology; vol. 5).

Xiongnu tombs of Duurlig Nats. Catalog exhibition. – Seoul: National Museum of Korea, 2009. – 99 p.

Материал поступил в редколлегию 12.03.15 г.